

Митько О. А.

Огнестрельное оружие в культовой и обрядовой практике народов Сибири в эпоху позднего средневековья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002 (с. 88-95) (Издательство Омского педагогического университета)

Изучение памятников Сибири эпохи позднего средневековья оформилось к настоящему времени в самостоятельное научное направление. К числу наиболее перспективных тем можно отнести археолого-этнографические исследования старожильческих поселений (казачьих станиц, поселков и сёл крестьян-переселенцев из центральных районов России) и острогов, которые являются не только памятниками военно-инженерного дела, но и архитектуры. Гораздо реже исследователи обращаются к анализу различных предметов русского происхождения, обнаруженных в археологических памятниках, относящихся к коренным насельникам Сибири. Как правило, в совокупности эти находки составляют достаточно однородные комплексы, отражающие бытовую сторону жизни и служащие свидетельством торгово-обменных операций, а в археологическом отношении используются в качестве наиболее надежного датировочного материала. Однако обращение именно к этому типу погребального инвентаря создает возможность применения самых различных научных подходов, в том числе при определении его семантической значимости, что имеет важное значение не только для археологов. Однако практические разработки в этой области не всегда бывают успешными в силу целого ряда причин, главная из которых заключается в верификации полученных результатов, которая зачастую невозможна без привлечения соотносящихся по времени письменных или вербальных сообщений. Несмотря на их отрывочность и тематическую ограниченность иногда только лишь благодаря ним можно определить в контексте отдельного обряда или культа семантическое значение определенных категорий вещей, в том числе и таких, как ручное огнестрельное оружие.

Оружие в традиционных культурах народов всего мира обладает необычайно высоким культурным и социальным статусом. Изобретение и использование огнестрельного оружия привело не только к перевороту в развитии военного дела и военного искусства, но и существенно расширило связанные с ним мировоззренческие представления. К раннему и наиболее распространенному ручному огнестрельному оружию казаков и первопроходцев Сибири относятся пищали различных типов: это пищаль-ручница, которую иногда называли самопалом; существовали двуствольные и трехствольные пищали; короткие пищали или «недомерки». В XVII в. из центральных районов России в Сибирь стали поступать карабины, пистолы и мушкеты с большим калибром и длинным стволом, при стрельбе из которых использовались сошки. При Петре I в регулярных войсках вводятся фузеи восьми линейного калибра, которые также попадают в Сибирь (Богоявленский, 1938).

По мнению многих исследователей, именно применение «огненного боя» имело решающее значение в военных столкновениях казаков с местными племенами, испытывавшими, вероятно, при первых столкновениях психологический шок перед невиданным ранее оружием. Даже в конце XVIII в., при описании нравов и быта населения Охотского побережья, отмечалось, что они «огнестрельного ружья весьма боятся и не точию кому из них огнестрельным оружием стрелять, но и в руки себе брать всегда опасаются» (История Сибири, 1968, с. 289). Однако при этом никем из современников и участников сибирских походов не была отмечена склонность сибирских народов, считать обладавших огнестрельным оружием людей богами, низвергавшими громы и молнии (Никитин, 1987, с. 54). Более того, достаточно быстро появилось стремление приобрести это оружие, несмотря на все старания русской администрации,

предписывавшей беречь его всеми средствами и наказывавшей «служилым людям накрепко, чтоб оне иноземцам пищалей рассматривать не дали и стрельбы пищальной не указывали». В 1701 г. вышел царский указ о клеймении ружей в целях предотвращения их незаконной продажи «таким людям, которым продавать-то не велено» (Памятники..., 1882, с. 187). Своеобразное «эмбарго» было наложено также на продажу пороха и свинца. Однако оружие попадало к «иноземцам» в качестве военных трофеев, иногда его дарили при установлении мирных отношений (Материалы..., 1978). Но главным источником поступления огнестрельного оружия в руки сибирских племен были постоянно развивающиеся, несмотря на все существовавшие запреты, торгово-обменные операции. В частности, уже в конце XVII в. енисейские кыргызы были вооружены пищалами и умело использовались ими (Бахрушин, 1955, с.182). Были случаи, когда из Томска «всякие люди» привозили кыргызам огнестрельное оружие и меняли на товары даже в то время, когда те вели военные операции против русских (Ватин, 1913, с. 8).

Лишь в конце XVIII в., вместе с прекращением активных военных действий против «немирных инородцев», ограничения на продажу огнестрельного оружия были сняты. Количество ясака сократилось, и необходимы были меры для интенсификации охотничьего промысла. Охота стала намного результативней благодаря точности и дальности боя ружей, а применение копий и луков было сокращено. В этот период использование огнестрельного оружия на охоте фиксируется как в западных районах Сибири (у хантов в Приобье), так и на крайних восточных рубежах. Таежные охотники сами лили пули из свинца, сами чинили и переделывали ружья (Василевич, 1951, с.164-165). Даже у якутов, несмотря на то, что русские появились значительно позднее, чем в Приобье, огнестрельное оружие стало обыкновенной и распространенной вещью, им даже стали платить калым за невесту. На рубеже XVIII-XIX в. на рынках можно было приобрести не только ружья с ударно-кремневым замком, но и винтовки, которые русские торговцы на судах доставляли по Лене. Более того, уже в первой половине XIX в. якутские кузнецы самостоятельно научились изготавливать винтовки с нарезным дулом (Зыков, 1989, с. 79-80).

Вместе с самим оружием местное население, возможно, могло воспринять и существовавшие у русских ритуально-магические представления о нем. Однако достоверных сведений о том, какими были эти представления в том же XVII в., у нас нет. Судя по всему, ритуальная практика, связанная с заговорами оружия была унаследована от языческих верований еще дохристианской эпохи. Особенно благодатной почвой для формирования и развития таких представлений была военная среда. Начиная с суворовских времен среди солдат стали популярными многочисленные поговорки («пуля – дура, а штык молодец», «смелого пуля боится» и т.п), которые, являясь выражением молодечества и бесшабашной удали, представляют собой ни что иное, как заговоры, облеченные в краткую и выразительную форму.

Русские охотники-промысловики применяли различные заговоры над ружьем, пулями и дробью. Согласно мифологическим рассказам и поверьям меткость выстрела на охоте обеспечивает леший, хозяин всех лесных зверей. Стоя за спиной целящегося охотника, он дублировал его выстрел. У тех, кто по каким-либо причинам не устраивал лешего, постоянно случались осечки, и, чтобы избежать этого, необходимы были заговоры. По поверьям, леший даже во время войны «откидывал» пули от патронированных им охотников. Характерно, что с нечистой силой, в частности с тем же лешим, бороться с помощью ружья заряженного обычной пулей было не возможно. Куда более действенной силой обладал хлеб. Чтобы отпугнуть докучавшего «хозяина леса», охотники на Русском Севере вместо пули вкладывали в патрон корочку хлеба (Криничная, 2001, с. 417, 433). Дар искусного стрелка порой приобретали и другим способом. На Рождество Христово или в Светлое Воскресенье охотник желающий приобрести сверхъестественные качества, должен был выстрелить в лик Спасителя, в Святые дары либо в крест и выступившей на

них кровью смазать ружье. Эти поверья были распространены не только в русской, но и других этнокультурных традициях народов Европы (Криничная, 2001, с. 376).

Нет никаких оснований, говорить о том, что вместе с новым видом стрелкового оружия коренным населением Сибири были восприняты обряды и поверья русских. Заимствование и распространение инокультурных вещей в бытовой сфере шло параллельно с переосмыслением их образного содержания и включением в обрядовую практику. Сакральная природа огнестрельного оружия совпадала с той, что сложилась намного раньше в кругу народных верований в отношении лука и стрел. С помощью этих, обладавших необычайно широким семантическим полем предметов, создавалось сакрализованное пространство, включавшее в себя практически все стороны жизни людей, от их рождения до смерти. Вплоть до настоящего времени лук и стрелы занимают центральное место в шаманских мифах и ритуалах, в которых шаман, вооруженный луком и стрелой олицетворял собой «небесного лучника». Выпущенные им стрелы соединяли миры, несли в себе оплодотворяющее начало, ритуальная стрела считалась средоточием благополучия дома, служила оберегом ее обитателей (Традиционное мировоззрение, 1988, с. 135). У тюрков Южной Сибири лук и стрелы служили воплощением богини Умай. Они же одновременно были ее оружием, способным отгонять злых духов, охранять здоровье и благополучие детей. Серебряный лук и три стрелы, подвешенные над люлькой ребенка, способствовали укреплению его физических сил и моральному возмужанию (Потанин, СПб., 1881, с.31). Своеобразным амулетом у туркменских детей было серебряное украшение ок-яй (стрела-лук), которое должно было помочь ребенку стать храбрым. Оно было похоже на натянутый лук со стрелой, его носили на спине халата или накидки мальчиков до семи лет (Васильев, 1986, с. 187). Часть этих магических свойств, вероятно, распространилась на огнестрельное оружие и оружейный заряд. Хронологическая, а также стилистическая близость на уровне выделяемых знаков-символов, позволяют говорить о тождестве представлений о стрелковом оружии определенной категории: ружье/пуля – лук/стрела.

В ходе изучения археологических памятников в долине реки Кача под г. Красноярском, где согласно письменным источникам в непосредственном соседстве с русскими проживали качинцы, было исследовано одиночное погребение Солонцы, датированное С.Г. Скобелевым XVI-XVII вв. (Скобелев, 1988, с. 9-10). Под пологой каменной выкладкой, размерами 7x3,5 м и высотой 0,3 м., в небольшой могильной яме был погребен подросток не старше 15 лет, уложенный на берестяную подстилку головой на ЗСЗ. Инвентарь крайне немногочисленный и в целом обычный для позднесредневековых памятников Сибири: железное кольцо, лежавшее у головы, костяные накладки на лук с остатками берестяной обмотки, остатки обуви из толстой кожи черного цвета. В районе нижней челюсти обнаружен помещенный в кожаный мешочек небольшой окисленный кусочек свинца. Он сплюснен, имеет форму близкую к треугольной, с округленными углами. Размеры: 1,2-1,3 см, толщина – до 3 мм. Осталось не совсем понятным, является ли уплощенность следствием механического воздействия, приведшего к деформации, или эта форма была изначально получена при литье. Данную находку вполне определенно можно было бы считать пулей, если бы форма была сферической, и не смущал вес, который составляет всего 2,5 гр.

Для стрельбы «огненным боем» применяли свинцовые пули сферической формы, масса которых зависела от калибра оружия. Наибольшую массу имели мушкетные пули, достигавшие 50-60 гр., что в два раза превышало массу свинцовых пуль используемых для стрельбы из пищалей (Жук, 1988, с.9). Очевидно, что обнаруженный в погребении кусочек свинца намного проигрывает в сравнении с ними. Скорее всего, на наш взгляд, его можно отнести к пуле типа картечь, которую часто использовали на охоте. Причем причину смерти погребенного подростка, можно было бы определить достаточно однозначно, если бы пуля не была помещена в кожаный мешочек. Однако она была даже не помещена, а, судя по форме и размерам мешочка, скорее зашита между двумя

кусочками кожи, что позволяет интерпретировать ее как амулет, обладавший самыми различными магическими свойствами. Возможно, пуля, как и стрела, должна была защитить от злых духов. Семантическая близость этих знаков-символов наиболее полно отражена в телеутском заклинании, обращенном к Май-эне (Умай): «Стрелу и пулю заряжай, / Пришедшего злого духа не выпускай» (Шатинова, 1981, с. 82). Можно также предположить и связь этого амулета с охотничьим промыслом, в котором многое зависит не только от умения охотника, но и от помощи духов-посредников, символические изображения которых часто изготавливались из дерева или металла. По данным Н.И. Шатиновой, на Алтае, при рождении мальчикам дарили пулю, чтобы они выросли меткими охотниками. При этом высказывалось следующее благопожелание: «Когда возмужаешь, пусть тебе / К лицу будет шелк, / Пусть попадет скатанное железо в марала, / Которого ты встретишь» (Шатинова, 1981, с.72). Возможно, обнаруженный в погребении амулет и был таким подарком.

Близкие параллели прослеживаются и с более древними обрядами. Так, кидани перед началом военного похода и после его окончания проводили обряд известный под названием «стрелы дьявола». Вооруженные луками воины расстреливали пленных для того, чтобы напоить стрелы кровью, тогда они «сильнее били и точнее находили цель» (Плотников, 2001, с. 91). Очевидно, в этом обычае, имеющем очень глубокие корни, отражен культурный статус оружия в целом, причем не только метательного и рубящего, но и огнестрельного. Известно, что монгольские охотники, после того как убивали зверя, обязательно мазали ружье его кровью (Вяткина, 1960, с. 244). В описании Г.Ц. Цыбикова этот обряд выглядел следующим образом: сопровождавший караван проводник, после того как убили яка, стал «угощать» ружье кровью из ран. «Угощение это состояло в том, что он прикладывал дуло к свежей ране, мазал кровью приклад и курок. Когда я спросил его, зачем он это делает, он удивился моему незнанию этого обычая охотников «милаху». Он верил, что ружье жаждет крови и чем чаще пьет горячей крови, тем более делается метким на охоте» (Цыбиков, 1991, с. 206-207). Как отмечалось выше, это «кормление ружья кровью» было известно и русским охотникам, однако речь вряд ли может идти о заимствовании. Истоки этого обряда содержатся в охотничьей ритуальной магии, ключевые элементы которой можно обнаружить во всех традиционных духовных культурах.

Вплоть до начала XIX в. в могилу алтайцев вместе с другим погребальным инвентарем клали лук со стрелами, которые вскоре заменило ружье, или «турка», со всеми принадлежностями для охоты, т.е. сошкой, кожаной сумкой для патронов, маленькими рожками для пороха и пуль (Луценко, 1898, с. 32). Эта замена носила не только формальный характер; магические свойства огнестрельного оружия, используемого на охоте, превосходили те, которыми обладали лук и стрелы. У якутов свинец, порох и ружья почитались «за боготворение», которое следует понимать как «божий дар». (Зыков, 1989, с. 79-80). Несмотря на подобное отношение, а возможно и благодаря этому, адаптация инноваций не привела к резким изменениям культовой и обрядовой практики. На каком-то этапе старое и новое оружие не только сосуществовало, но и несло в некоторых охотничьих ритуалах одинаковую семантическую нагрузку. Г. С. Дмитриев - Садовников писал, что ханты стреляли в сосну из луков, а у самого дерева оставляли дробь, которая затем использовалась, так как «считалась меткою» (Дмитриев-Садовников, 1915, с. 8).

Появление русского этноса в Сибири привело к качественно иному уровню межкультурных контактов. Вместе с появлением «колониальных товаров», пользующихся повышенным спросом у коренных насельников, происходит расширение их вещного окружения. Включение в социальное и культурное пространство таких значимых вещей, как огнестрельное оружие, казалось, должно было бы привести к изменению всей системы традиционного мировоззрения сибирских народов. Однако этого не произошло и более того, новый вид оружия настолько органично вписался в эту систему, что даже внутренние семантические связи отдельных культов и обрядов остались неизменны.

Литература:

- Бахрушин С.В.* Енисейские кыргызы в XVII в. // Научные труды. Т. III, часть 2. М., 1955
- Богоявленский С.К.* Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. Т. 4, 1938
- Василевич М.В.* Ессейско-чирингдинские эвенки // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XIII, М., 1951.
- Васильев Г.П.* Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1986.
- Ватин В.А.* Минусинский край в XVIII веке. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913.
- Вяткина К.В.* Монголы Монгольской Народной Республики. (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948-1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М., Л., 1960
- Дмитриев-Садовников Г. С.* На Вахе // ЕТГМ. Вып. 26, Тобольск, 1915
- Жук А.Б.* Винтовки и автоматы. М., 1988
- Зыков Ф.М.* Традиционные орудия труда якутов (XIX – начало XX века). Новосибирск, 1989
- Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза. СПб., 2001
- Луценко Е.А.* Поездка к теленгитам // Землевладение. М., 1898, № 1, 2
- Материалы по фольклору хантов.* Томск, 1978
- Памятники сибирской истории XVIII века.* Кн. I, СПб., 1882
- Плотников Ю.А.* О назначении отверстий в лопастях стрел // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001
- Потанин Г.А.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 11, СПб., 1881
- Скобелев С.Г.* Отчет об археологических раскопках в Бейском, Емельяновском, Новоселовском и Шушенском районах, об археологических разведках в Боградском районе Красноярского края в полевом сезоне 1988 г. Архив ЛГИ НИЧ НГУ
- Традиционное мировоззрение тюрков южной Сибири.* Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988
- Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды. Т.1, Новосибирск, 1991
- Шатинова Н.И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981